

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ -

ТОВ. С Т А Л И Н У.

Направляю Вам заявление арестованного
ТЕР-ВАГАНЯНА В.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

В. Ягода
/В. ЯГОДА/.

1
" " августа 1936г.

№.....

57180

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ.

Я погиб.

Погиб как коммунист, а значит и как человек. Погиб потому, что не смог восстановить себя как большевика, как велики не были мои к тому старания...

Я примкнул к гнусной контр-революционной оппозиции в 1927 году. Мое пребывание в ее рядах длилось до самого исхода 1932 года. Я оказался в рядах врагов партии, ее обманщиков в самые горячие годы того решительного переворота, который превратил страну нашу в страну строящегося социализма.

Я обманывал партию так-же, как и все троцкисты, боролся с ней тем же оружием - что и они: клеветой, злостной инсинуацией, сплетней и усердным извращением фактов. Я так же как и другие всей своей "деятельностью" подготавливал то отвратительное фашистское перерождение, которое неизбежно последовало, как только партия победоносно расправилась со всеми социально-враждебными силами в стране и ликвидировала все к-революционные группы.

Еще осенью 1932 года стало для меня совершенно ясно, что дальнейшее продолжение борьбы с партией неминуемо должно привести все оттенки контр-революционных групп к фашистскому, бандитскому террору. Дело Эйсмонта было и симптомом и сигналом для всех тех у

кого сохранилась хоть капля партийной совести.

После январского пленума 1933 года даже слепому было очевидно, что партия осуществляя волю рабочего класса разгромила капитализм у нас разгромив тем социальную почву на которой росла оппозиция, как "левая", так и правая, что агентуре капитализма в злобе своей остается лишь один путь борьбы с партией пролетариата - путь заговора и насилия.

Стало это очевидно и мне. Мысль о неизбежности фашистского перерождения к-революционной оппозиции и гнала меня на решительный разрыв с троцкизмом, на пересмотр всего того простомыслия, которое выдавалось троцкизмом за "теорию".

Четвертый год я с неослабным рвением пытаюсь покончить со всем троцкизмом в прошлом моем, четвертый год я стремлюсь стать вновь на твердую и честную почву большевизма, четвертый год я ишу путей приобщиться к социалистическому строительству.

А сегодня - я вновь в советской тюрьме, с обвинением - самая возможность которого меня раздавила безповоротно.

Я обвиняюсь в терроре.

Меня обвиняют в соучастии в подготовке террористических групп на основании показаний лиц прямо причастных к этому делу.

Люди эти клеветуют. Клеветуют подло, мерзко, бестыдно. Их клевета шита белыми нитками, не стоит большого труда ее обнажить, мотив творцов этой лжи прозрачный. Тем не менее! Против этой очевидной лжи

я безсилен. Достаточно было двум трем фашизировавшимся негодьям нагло оболгать меня, чтобы я был и политически и морально уничтожен.

Почему?

Не потому ли, что партия, и представляющие ее следственные органы не питают ко мне ни малейшего доверия?

Да, потому.

Для недоверия у партии оснований совершенно достаточно. На протяжении пяти лет я участвовал в систематическом обмане партии. Люди с которыми я дружил политически с неслыханным вероломством открытыми декларациями и клятвами признали прямое предательское свое руководство бандитами. Почему же партия должна была оказывать мне предпочтительное доверие?

Сознание законности недоверия, невозможность оправдаться при наличии этого недоверия, безусловной лживости всех на меня наговоров - вот тот ужасный узел, который обрек меня на гибель.

Все - и люди, и обстоятельства, и обстановка - судьбой нависли над моей головой и толкают меня обратно в ту гнусную контр-революционную свалку, откуда я с таким трудом пытаюсь выбраться.

Или в ряды фашистски-террористических бандитов, или смерть, так стоит для меня дилемма.

Вы, я уверен, не будете упрекать меня в том, что я избрал последнее. Лучше смерть, чем обратно в ряды контр-революции.

Дорогой Иосиф Виссарионович, старший товарищ и учитель, большевистская юность моего поколения

распустилась в эпоху, которая была такой же решающей и поворотной для нашей партии. Бак.К-ет принял меня в партию вручил мне в качестве парткнижки Вашу брошюру "Наши цели". Что может сравниться с влиянием ее на нас - молодых большевиков, кроме огненных статей Ленина? По ней мы учились ненавидеть меньшевизм и троцкизм, оппортунизм и специфизм.

И закат мой озарен солнцем Вашего гения, лучами того нового гуманизма, великого социалистического счастья, которое возвестила сталинская конституция нашей великой родине.

В ярком свете социалистического дня умереть не трудно. Я хотел бы только одного - чтобы Вы поверили мне, что я умираю прежним коммунистом, что вот уже более трех лет не имею ни какого отношения ко всей этой шайке фашизовавшихся убийц, что бандитский каннибализм - индивидуальный террор, как мера борьбы с партией - был мне ненавистен уже с первых его симптомов замеченных мною осенью 1932г.

Клянусь священной памятью Ленина - я не имел никогда никакого отношения к террористическим речам и делам контр-революционных бандитов и каннибалов.

Столь же торжественно клянусь, что причина толкнувшая меня на столь предосудительный акт, как самоубийство, - указанная в моем настоящем письме.

Решение мое продиктовано страстным желанием доказать партии искренность моего разрыва с контр-революционной оппозицией. Я был бы глубоко удовлетворен,

если бы моя смерть была расценена всеми товарищами и в первую очередь Вами, дорогой Иосиф Виссарионович, именно так.

Не знаю, будет ли партия так великодушна, чтобы простить мне все мои преступления против нее, но я умираю гордый ее победами.

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков.

Да здравствует ее героический ЦК.

Да здравствует ее мудрый вождь, друг и учитель всего трудящегося человечества - Иосиф Виссарионович СТАЛИН.-

В. Ваганян.

Пока субарекон мезима 1933 г.а гавес ао-
 нонз стано архивуно зр партус оуризити
 воис радгаво класеа паргрома канифе-
 мизу у нас паргрома бев сиванити
 парбу на кирево ралеа оуризити
 кан "елав" бав а малат зр архиву
 кануануна ~~неоуризити~~ ~~неоуризити~~ ~~неоуризити~~ ~~неоуризити~~ ~~неоуризити~~
~~неоуризити~~ ~~неоуризити~~ ~~неоуризити~~ ~~неоуризити~~ ~~неоуризити~~
 маго - нр савоноу у насинз.

Гаво зр архивуно у мие. Мел о неурито-
 носе гавирикон неуритоу к-релово-
 нидна оуризити, маго мент на релово,
 пелов релов с паргрома, на неурито
 беве рон гавоуриу, кирево лавану
 паргрома са "Гевриво".

Гевриво зр а с неуритоу релово
 магоа нондону со беве паргрома
 а гавирикон мент, гевриво зр а гавирикон
 гавирикон на релово у гевриво парбу паргрома,
 гевриво зр а миз мент гавирикон
 сиванити гавирикон гавирикон.

А сиванити - а беве ~~неоуризити~~ в сиванити
 паргрома, с архивуно - самаз бевеуриу
 кирево мент паргрома гавирикон.

А архивуно в гевриво.
 Мент архивуно в сиванити в паргрома
 гавирикон гавирикон: зр мент на архивуно
 паргрома мент гавирикон гавирикон
 гавирикон гавирикон.

Мент зр мент зр. Киче зр паргрома,
 мент зр, гавирикон у мент мент гавирикон
 мент зр, мент зр паргрома гавирикон
 мент зр, мент зр паргрома гавирикон.

Мент не мент!

Лично смејте, тем одраго во првото евро-слово.
 Којшто Високогубернатор, Царини-Полковник и уште не,
 доброволноста своја мене мислам
 јавувајќи во овој, ~~и~~ кривојста
 јакон ме решавајте и побрзајте
 наше право. Јак. К-от јуниот мену
 парниот брзојста мене в карејте
 на јакон јуниот „Наша чина“
 јуниот с брзојста е на нас -
 јуниот доброволно, мене
 јуниот Лемма? Но не м
 јуниот мислам и јуниот,
 и јуниот и јуниот.

И така, мене одраго со мене
 Лемма јуниот, јуниот јуниот
 јуниот, јуниот со мене
 јуниот, јуниот ~~јуниот~~
 јуниот јуниот јуниот
 О јуниот јуниот јуниот
 и јуниот. И јуниот јуниот
 во јуниот мене, јуниот
 јуниот јуниот, јуниот
 јуниот јуниот и јуниот
 јуниот во јуниот
 јуниот јуниот, јуниот
 јуниот - јуниот јуниот
 јуниот - јуниот јуниот

Јуниот јуниот Лемма -
 и јуниот јуниот јуниот
 јуниот јуниот јуниот
 јуниот јуниот и јуниот

Јуниот јуниот јуниот, јуниот

Толкуваша мена на гол предсудител
ако, как самозубо, - укашана в мена
наполном мена.

Решение мое предидеано, спразом мена
жарат парам искренност мое разра с кон-
ревомичина отпозичеи. Я ти ти мена убои-
блорен, еси ти, мо сиезт ти ра расценена
веси гуларинами и в публич аргет там
гороси Увесу Виссачиновлар и мена Ган.

~~Там~~ Но мена ~~манти~~ парам
Ган хемкочина, готи готит мена в
мои предидеант готит мена, но с убои
мента и наледани.

Гарбалде Виссачиновлар Парам Готит
Гарбалде и убои мена
Гарбалде и мена бонет, ^{гит} гит
веси мена мена мена - Увесу Виссачи-
новлар Ган.

Handwritten signature

142-05.

~~Прому го 20/ VII 1936. Јуна Јакованс
Не амалат дивеаге
23/ VII 36~~ ~~Ј. Јакованс.~~

Прому мон Јакованс, адресованна
Т. Гаму и Јуна и ностат го 30/ VII 1936
Ј. Јакованс.